ПОЛІС

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Д. М. Воробьев

Носитель легитимности (Российская политическая традиция организации социального адреса власти)

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Vorobyov_2003_3.pdf

URL:http://www.civisbook.ru

НОСИТЕЛЬ ЛЕГИТИМНОСТИ
Российская политическая традиция организации социального адреса Власти

Д.М. Воробьев

Организация социальной поддержки существующего режима — главная задача любой политической силы, находящейся у власти. Сегодня в России эта задача понимается в двух смыслах: в узком — как необходимость партийного строительства, в широком (по охвату населения) — как организация PR-воздействия на электорат. В основе такого понимания лежит вполне определенный методологический подход к проблеме социальной стратификации общества и идентификации социальных групп, участвующих в политической жизни. Речь прежде всего идет о традиции деления общества на горизонтальные срезы и выделении социальных слоев по имущественному, партийному, трудовому, национальному и другим аналогичным критериям. Однако данный подход, укоренившийся в сознании научного и экспертного сообщества, возник как результат рационального осмысления уникального опыта западноевропейских политий, и его применение при анализе иных социальных организмов становится причиной многочисленных погрешностей, искажающих представления о действительности. Отсюда — острая необходимость в выработке новой методологии социальной стратификации, способной отразить специфику социумов, развивавшихся в других географических, экономических, идеологических и политических условиях, нежели западные. К числу таких социумов, безусловно, относится и Россия.

Российская историография богата качественными описаниями отечественной политической традиции, но попытки добросовестного анализа политических отношений на уровне макросоциальных процессов можно пересчитать по пальцам. Одной из таких попыток является исследование Ю.С.Пивоварова и А.И.Фурсова [Пивоваров, Фурсов 1997а, б]. В центре сконструированной ими модели "Русской системы" лежат категории "Власть" и "Популяция", причем последняя охватывает все население страны, т.е. совокупность *всех* людей, проживающих в России, вне зависимости от их конфессиональной и этнической принадлежности. Эта модель и послужила отправной точкой для предлагаемой здесь гипотезы. При ее разработке был использован панорамный взгляд на российскую историю, охватывающий последние 400 лет, поскольку только такой кросстемпоральный анализ позволяет выявить традиционные каналы политического управления социумом, проследить попытки их трансформации и обнаружить социальную группу, выступающую опорой власти.

В общем виде рабочая гипотеза заключается в следующем. Власть в России всегда опиралась на определенную часть Популяции, или населения, не имевшую четких границ. Именно к ней Власть обращается для легитимации своих действий и именно ее интересами мотивирует свои решения. С точки зрения организации управления, данная часть общества представляет собой своеобразный социальный вектор, по которому идут распространение политического влияния, передача властных полномочий как по вертикали (с одного социального уровня на другой), так и по горизонтали (в рамках каждой социальной группы или слоя), перераспределение материальных и нематериальных благ, связанное с осуществлением властных полномочий. Этот вектор, по которому и через который проходит процесс политического управления, пронизывает все социальные слои, выделяемые в соответствии с западной научной традицией, и выполняет функцию *"носителя легитимности",* от численности и разветвленности которого зависит принятие и выполнение воли властвую-

ВОРОБЬЕВ Дмитрий Михайлович, аспирант ИНИОН РАН.

щего субъекта. Иными словами, "носитель легитимности" в России не совпадает ни с одним горизонтальным слоем, ибо, с одной стороны, никакой социальный слой не входит в него полностью, а с другой — он включает в себя представителей всех существующих в тот или иной момент социальных слоев и групп. В связи с этим можно утверждать, что принцип горизонтальной стратификации не отвечает российским реалиям.

Чтобы проверить обоснованность сформулированной выше гипотезы, обратимся к конкретной российской истории. За последние 400 лет в России сменились как минимум три "носителя легитимности", которые условно могут быть обозначены как "православные", "армия" и "пролетариат".

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТИПЫ "НОСИТЕЛЯ ЛЕГИТИМНОСТИ"

Православные. В Смутное время (1604 — 1613) единственным политическим актором, способным аккумулировать ресурсы, необходимые для восстановления легитимной Власти и сохранения политической и цивилизационной идентичности страны, выступала Православная церковь. Ее мощная организационная структура, объединявшая значительную часть населения России, еще не утратила сетевой принцип организации, сложившийся во времена Ига. Процесс централизации церковного аппарата получил институциональное оформление лишь при Федоре Иоанновиче в 1589 г., когда был избран первый патриарх Иов. За прошедшие с тех пор годы (16 — до появления Лжедмитрия I с поляками, 22 — до смерти в польском плену патриарха Гермогена) только начавшие формироваться институты централизованного управления не могли оказать серьезного влияния на Церковь, имевшую шестисотлетнюю историю. Все еще ощутимая самостоятельность священнослужителей позволила церкви, в отличие от государства, действовать, будучи обезглавленной. Созыв обоих ополчений был инициирован духовными лидерами: первого — патриархом Гермогеном, второго — архимандритом Дионисием и келарем Авраамием Палицыным из Троице-Сергиева монастыря.

Естественно, что, будучи религиозными деятелями, и патриарх, и чернецы из Троицы мотивировали необходимость сопротивления польским оккупантам прежде всего угрозой уничтожения православия и поглощения его католичеством. В призывных грамотах, взбудораживших российское общество в безгосударное время, говорилось, в первую очередь, о сохранении чистоты православной веры [Соловьев 1989: 602, 605]. И хотя Россия в XVII в. не была ни моноэтнической, ни моноконфессиональной*, этот призыв был услышан всем населением. Участие в Московском ополчении приняли не только православные, но и мусульмане, в частности татарский голова Лукьян Мясной, приведший с собой 20 "князей и мурз" [Соловьев 1989: 651]. Причем пришли они не как наемники, а именно в качестве ополченцев**.

Тем не менее апелляция шла именно к православным, которые и стали выступать в качестве "носителя легитимности". По этой вертикали, пронизывающей весь социум, мобилизовывались *ресурсы* сначала для освобождения страны от оккупантов, а затем и для успокоения внутренних территорий.

Избрание Михаила Федоровича на царство имело не столько процедурный, сколько сакральный характер. Многократно подчеркивавшееся позднее единогласное одобрение его кандидатуры служило *основанием* легитимности режима. Но ее *источником* было представление о богоизбранности новой династии, ибо "всем людям... Бог в сердце вложил одну мысль и утверждение" [Соловьев 1990: 9].

Однако самого по себе сакрального источника легитимности было недостаточно. Сохранить управляемость государства в кризисные моменты могла толь-

*** В тот период на юге и юго-востоке России проживали народы, исповедавшие ислам (башкиры, татары, ногаи и пр.), а на севере и северо-востоке — языческие племена (ханты, манси, саамы, карелы и др.).**

**** Кроме ополченцев, в первом и во втором ополчении были люди, движимые корыстными мотивами, — казаки, а в первом — и собственно наемники [Соловьев 1989: 636-637].**

ко та власть, которой каждый раз, когда возникал дефицит ресурсов, население открывало кредит, платя подати, участвуя в постройке оборонительных сооружений, направляя часть мужчин в армию, соглашаясь содержать военных и/или их семьи. Но для того чтобы получить такой кредит, будь то материальные средства, дополнительные полномочия, лояльность или иная поддержка, она должна была блюсти интересы своего "носителя легитимности" — в данном случае православных. Несоблюдение этих интересов немедленно отзывалось оттоком населения в пустынные, неосвоенные земли или даже вооруженным противодействием и поддержкой противника (например, Лжедмитрия). Гарантом "государственного долга" выступали, опять же, религиозные центры — монастыри, аккумулировавшие и материальные, и духовные активы страны.

Дефицит же ресурсов у первого Романова возникал часто, ибо в Смуту погибли далеко не все, кому присягала Русь: королевич Владислав военными экспедициями ходил торговаться о цене отказа от притязаний на российский престол; Заруцкий с Мариной Мнишек будоражили южные украйны; укрепившаяся Церковь во главе с патриархом оспаривала светскую власть у государства. Между тем и казна, и большинство служилых людей в "безнарядное" время сильно "изничтожились". И шлют к Строгановым посланцев, прося "для христианского покоя и тишины денег, хлеба, рыбы, соли, сукон и всяких товаров, что можно дать ратным людям" [Соловьев 1990: 16]. Но основой благосостояния государства были отнюдь не такие "Строгановы" — к ним обращались лишь в экстренных случаях. Главным источником материальных благ для казны был простой человек из податных сословий. Поэтому шла борьба за человека. Но не за всякого, а за православного, создавшего в Смутное время эту власть, как некогда Власть создала его, насаждая и защищая христианство. А каким способом можно расположить к себе верующего человека? Став для него образцом верующего. Вырасти из символа Власти, превратившись одновременно и в символ Веры.

Сейчас трудно судить, понимал ли это первый Романов. Скорее всего — нет. Обстоятельства — преследование его семьи, насильственное пострижение в монастырь отца и матери, юношеские годы, проведенные за монастырскими стенами, царившая в то время жестокость, когда "крестьян ломали, жгли, ремни из спин вырезали, трупы по обочинам дорог валялись" [Соловьев 1989: 639] — воспитали в Михаиле Федоровиче необычайную религиозность. Эта черта, став известной, вооружила его, дополнив легенду о добром царе иммунитетом к негативным последствиям другой его черты — абсолютного безволия и подверженности постороннему влиянию.

Столь сильное значение данного политического ресурса могло бы показаться казусом, если бы не последующий опыт. В годы правления Михаила Романова резко возросло значение церковного аппарата. По возвращении из польского плена патриарх Филарет приобрел практически неограниченное влияние на помазанного на царство сына. И дело здесь не только в традициях Домостроя [см. Костомаров 1993: 145] и крутом нраве Филарета, но и в упомянутых выше особенностях характера Михаила Федоровича. Результатом стало усиление роли не одного конкретного патриарха — отца правящего царя, но всего института патриаршества, фактически уравнявшее политический вес светского и духовного лидеров.

Развязка наступила уже в царствование Алексея Михайловича. 25 июля 1652 г. в сан патриарха был посвящен новгородский митрополит Никон. Честолюбие и властность нового патриарха, пытавшегося управлять царем, резко контрастировали с поведением Алексея Михайловича, славившегося своими христианскими добродетелями. Столкновение этих двух характеров привело к обострению вопроса о светской власти, который решался на уровне "носителя легитимности". Более христианское поведение царя обеспечило ему победу [Соловьев 1990: 208]. Вопрос о власти решился в пользу Алексея Михайловича, поскольку он оказался в большей степени православным, нежели Никон.

О мере обратного влияния "носителя легитимности" на Власть свидетельствует и мессианский характер политики в XVII в. В этом отношении показатель-

на, в частности, мотивация, к которой прибегает Богдан Хмельницкий в одной из своих грамот, призывая российского царя взять под свое крыло Украину: "Хотя мы приняли перемирье, однако знаем, что нам и вере нашей православной поляки не желают ничего доброго; надеемся на Господа Бога и на милость его царского величества, что когда над церквами восточными умилится и над верою нашею православною, тогда поляки не воспримут потехи" [цит. по Соловьев 1990: 561]. Прямая апелляция Власти к "носителю легитимности", а также использование ее для маскировки реальных побудительных мотивов и причин политических решений отчетливо прослеживаются в нормативно-правовых актах (с поправкой на высокую степень рациональности политического дискурса).

На ориентацию Власти на православных указывает и публичное поведение носителя Власти, стиль его одежды и быт. И Михаил Федорович, и Алексей Михайлович были скорее священниками, нежели воинами, а церемониал дворца, связанный с жизнью царя и царицы, больше всего напоминал религиозный ритуал [см. Костомаров 1993].

Специфика отношений между "носителем легитимности" и Властью отражалась и в социальной организации общества. Население страны имело несколько уровней организации: идеологическую (Церковь), хозяйственную (общины) и политическую (воеводства). Мощным организующим началом была Православная церковь: все православные относились к церковным приходам, выступавшим не только сакральными, но и информационными центрами. Община, подобно церкви пронизывавшая все общество, представляла собой разветвленную систему самоуправления налогоплательщиков (тяглых). Она занималась разрешением конфликтов, распределяла подати по конечным плательщикам и фактически выполняла функции социального страхования, помогая своим членам, впавшим в нужду. На этом уровне особенно наглядно проявлялась связь между степенью легитимности Власти и уровнем ее ресурсной обеспеченности. Несогласие с Властью, как уже упоминалось, выражалось в оттоке населения в неосвоенные области, что сокращало численность "носителя легитимности" и, соответственно, поступления в казну. Географические условия России (большая территория и огромные неосвоенные пространства, покрытые непроходимыми лесами, при отсутствии разветвленной сети дорог, транспорта и надежных средств информационного обмена) поощряли именно такую форму политического протеста.

В "порубежное время" (конец XVII в.) в результате церковного раскола слой православных, оставшихся в лоне официальной церкви, заметно сузился. Выпадение раскольников привело к истончению "носителя легитимности", что весьма болезненно сказалось на Власти, тут же почувствовавшей сокращение своей ресурсной базы. Последним правителем, пытавшимся апеллировать к "православным", была царевна Софья. Ее отстранение от власти в 1689 г. Петром I и насильственное пострижение в монастырь знаменовало собой и смену "носителя легитимности".

Армия. С приходом к власти Петра I в качестве "носителя легитимности" начинает выступать "православное воинство", сохранявшее эту роль вплоть до середины XIX в. На протяжении XVIII в., века дворцовых переворотов, претенденты на власть будут обращаться именно к армии, а не только и не столько к дворянству. Вопреки сложившимся представлениям, последнее отнюдь не обладало монополией на участие в политическом процессе и, тем более, не было полностью в него вовлечено. Можно говорить лишь о том, что члены этого сословия занимали высшие управленческие должности и, наоборот, представители других сословий, достигая известного уровня (четырнадцатого класса для военных и восьмого — для гражданских, по Табели о рангах) становились дворянами. Сам же механизм политического управления, принцип распределения властных полномочий оставался прежним: самоуправляющаяся община, самоуправляющиеся купеческие гильдии и местные организации дворянства (дворянские собрания и предводители дворянства как своего рода дворянские ста-

росты), во многом копировавшие общинную систему, правда, в несколько европеизированном виде. Это дает основания рассматривать дворянство лишь как часть "носителя легитимности", принадлежность к которой была обязательным атрибутом высшего управленческого звена. Гибельность механического переноса на российскую почву западного восприятия социальной структуры и каналов управления обществом в полной мере испытали на себе Анна Леопольдовна (1740 - 1741), Петр III (1761 - 1762) и Павел I (1796 - 1801). Попытки ориентироваться во внутренней и внешней политике на одно сословие, не считаясь с интересами ни населения в целом, ни реального "носителя легитимности", кончились для них быстрым устранением от власти (и из жизни).

Изменение "носителя легитимности" повлекло за собой и изменение облика Власти. Для легитимации своих политических решений Власть все реже прибегает к православно-религиозной риторике, упирая на повышение эффективности государственного управления, политические интересы, нужды подданных. По петровскому Воинскому Артикулу от 1715 г. принимающий присягу обещается Богом служить не столько Вере Православной, сколько Царю. В частности: "Ежели что вражеское или предосудительное *против персоны его величества или его войск, такожде его государства, людей или интересу государственного* что увижу или услышу, немедленно сообщу" (курсив мой. — *Д.В.)* [Воинский Артикул 1986].

Проблема пополнения "носителя легитимности" решалась посредством института рекрутчины. Новобранец, как новорожденный, оказывался на самом низу социальной лестницы (с сопоставимо высоким уровнем смертности), по которой ему приходилось начинать карабкаться заново. В период обучения ему, помимо необходимых военных знаний, передавались и новые социальные знания о субординации, о том, как повысить социальный статус, заслужив очередное звание, и т.д. Сложившийся солдатский коллектив, принимая новобранца, также "обучал" его особенностям жизни в военной среде. Рекрута вырывали из его социальной среды на десятилетия, если не на всю жизнь. Половину всего периода рекрутского комплектования армии солдаты призывались на пожизненную службу, и лишь в 1784 г. она была заменена 25-летним сроком, что, однако, значительно превышало среднюю продолжительность их жизни. При этом по истечении срока службы, а также при утрате способности к строевой службе вследствие увечья или болезни солдаты редко возвращались "домой" — в родную деревню. Как правило, они переходили в "инвалидную команду" и оставались в армии до самой смерти. Таким образом, рекрутский набор, в отличие от более позднего призыва, одновременно выполнял и функцию объединения разнородной массы рекрутов в единый социальный организм, подобно тому, как в былые времена это делала Церковь.

Относительная "узость" нового "носителя легитимности", по сравнению с предыдущим, компенсировалась высокоэффективной организацией и распределением его по всей территории страны. Гарнизоны в крупных или стратегически важных населенных пунктах были введены относительно поздно, в третьей четверти XVIII в., а до этого войска размещались "на постой" в частных квартирах, что также облегчало контроль над населением. Вместе с тем численность армии была значительной. В кризисные моменты она еще более увеличивалась: в первой четверти XVIII в. при общей численности населения порядка 17 млн. достигала 250 тыс. строевых, а в 1801 — 1815 гг. Россия в общей сложности поставила под ружье полтора миллиона человек.

Одновременно смещаются и акценты в публичном поведении лица, служащего воплощением Власти, — правитель становится, в первую очередь, военным. Петр I — уже не царь-священник, а царь-воин, предводитель хоть и православного, но прежде всего Воинства. Военных чинов не чураются даже императрицы: например, Елизавета Петровна была полковником всех гвардейских полков. И если в Смуту вопрос о власти решался по религиозному признаку, то теперь Власть могла позволить себе не слишком считаться с устоями верующих. Особенно показателен в этом отношении опыт Петра I, чье

предосудительное, с точки зрения православия, поведение (пренебрежение традициями, в частности бритье бороды, за которое еще недавно не пускали в церковь, а также отказ от традиционной одежды, курение табака и самое главное — приближение к своей особе иноверцев) никак не сказалось на позициях власти. Более того, государям прощали даже "еретическое" прошлое: так, бывшая лютеранка Екатерина II не только царствовала свыше 30 лет, но и пользовалась любовью народа.

Первым симптомом кризиса описанной модели стало восстание 1825 г. на Сенатской площади. Поражение в Крымской войне 1853 — 1956 гг. способствовало его углублению, и в 1874 г., в результате военной реформы Александра II, уничтожившей институт рекрутского набора, данная система окончательно рухнула.

История пореформенной России конца XIX — начала XX в. отчетливо демонстрирует, чем может обернуться неспособность Власти найти адекватного моменту "носителя легитимности". Попытка "назначить" его из имевшихся социальных групп, да еще на основе имущественного ценза, имела для России трагические последствия. Как только источником политического влияния стала не отделенная от экономической деятельности государственная служба (в прежние времена служащий, будь то военный или гражданский, не имел права заниматься ремеслом под угрозой телесных наказаний), не личный вклад в упрочение государства, а степень материального благосостояния, исчезла мотивация, заставлявшая слаженно работать все части государственного организма. Состоятельные люди (капиталисты — на новый лад) неожиданно для Власти оказались заинтересованы не в сильном государстве, а в своих капиталах. В итоге при первом же кризисе они отвернулись от нее и, руководствуясь законами рынка, стали выбирать наиболее прибыльную для себя форму правления. При этом, повторяя ошибку Власти, они пытались опереться на отдельные социальные группы, произвольно выделяя их по национальному, экономическому, религиозному, социальному и другим подобным признакам (вспомним партийные организации начала XX в. типа Бунда, кадетов, анархистов, октябристов, Союза русского народа и т.д.). Результат не заставил себя ждать — Российская империя прекратила свое существование.

Пролетариат. Особенность ситуации начала XX в. заключалась в том, что и Власть, и большинство претендентов на нее воспринимали российскую действительность сквозь призму западной социальной мысли, оперируя понятием "класс" применительно к российскому населению. Ленин, определивший и *создавший* нового "носителя легитимности" в виде пролетариата, тоже упорно называл его "классом", но поскольку слой промышленных рабочих был слишком мал для осуществления эффективного контроля над населением, рамки "пролетариата" стали искусственно расширяться. Так, взрывной рост численности РСДРП(б) в апреле — июле 1917 г. (с 24 до 240 тыс.) был во многом обусловлен включением в состав "пролетариата" низших военных чинов (солдат и матросов). Однако этого оказалось недостаточно. Непонимание неклассовой и непартийной природы политической поддержки быстро поставило новую Власть перед угрозой уничтожения. "Триумфальное шествие Советской власти" (октябрь 1917 — февраль 1918 г.) сменилось резким откатом, и подконтрольная ей территория сократилась до нескольких промышленных центров (Петроград, Москва, Саратов, Тула, Нижний Новгород и др.). Под влиянием жесткой необходимости и в целях увеличения поддержки среди населения большевики пошли на очередное расширение "носителя легитимности" путем включения в него новых социальных групп. В критический момент гражданской войны они обращаются уже не только к пролетариату, но и другим слоям трудящихся: "Завоеваниям Октябрьской революции грозит смертельная опасность. Чехословаки на востоке, англо-французы на севере и на побережье Каспия, красновско-германские банды на юге угрожают низложить Советскую власть, отнять землю у крестьян, раздавить свободный пролетари-

ат и посадить на спину трудящихся буржуазию, помещиков, коннозаводчиков и генералов" [История гражданской войны 1957: 254]. В итоге к "носителю легитимности" фактически оказались отнесены все, кто работает, — но при сохранении упора на пролетариат.

Большевики, вне зависимости от своего социального происхождения, по стилю одежды и поведения (в т.ч. речевого) старались походить на фабричных рабочих. Ссылкой на интересы трудящихся легитимировались на массовом уровне все политические решения, особенно связанные с применением насилия и террором по отношению к "классовому врагу". По "классовому" принципу происходила и "ротация элит" — при замещении любого поста вопрос решался в пользу того, кто оказывался "большим" рабочим.

В период своего расцвета Коммунистическая партия представляла собой такую же централизованную вертикальную структуру, как церковь или армия, и одновременно — аналог самоуправляющегося Міра. Объединяя в единый организм все уровни политического управления, она при этом являлась формой самоуправления "носителя легитимности". Можно провести и прямые параллели: церковно-приходская система — первичные партийные организации, создававшиеся по производственно-территориальному принципу; самоуправляющаяся община (Мір) — первичная партийная организация; строгая военная субординация — иерархия партаппарата на основе жесткой партийной дисциплины.

Как ни парадоксально, но результатом социальной политики советского правительства стал уход с политической и социальной сцены центрального звена "носителя легитимности" — российского "пролетариата". Изменение социальных условий в связи с ликвидацией неграмотности, введением всеобщего среднего образования, ростом благосостояния населения, созданием беспрецедентной по охвату социальной сферы и углублением научно-технического прогресса привело к тому, что в начале третьей четверти XX в. "пролетариат" исчез — исчез потому, что был нарушен механизм его самовоспроизводства. К 1961 г. фактическая ликвидация "носителя легитимности", к которому попрежнему продолжала апеллировать власть, стала настолько очевидной, что тезис партийной программы о диктатуре пролетариата был заменен положением о построении "общенародного государства". Одним из результатов данного процесса явилась "номенклатурная революция" 1964 г., приведшая к смещению Н.С.Хрущева. Однако сам этот процесс завершился только в начале 1990-х годов, когда партийная номенклатура, слившись с верхушкой криминального мира, конвертировала свою политическую власть в частную собственность.

"НОСИТЕЛЬ ЛЕГИТИМНОСТИ" КАК АНАЛИТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Из сказанного выше очевидно, что "носитель легитимности", к которому обращается Власть, не сводится к какому-либо социальному слою и включает в себя представителей разных слоев. В XVII веке — это *все* православные, в XVIII - первой половине XIX в. — *вся* армия, в XX в. — *все* трудящиеся. Сущность "носителя легитимности" заключается в том, что именно он легитимирует (в веберовском смысле) решения и действия Власти. Поэтому с его интересами она считается, и именно от него зависит, кому конкретно эта власть будет принадлежать в смутные периоды российской истории. Понятие "носитель легитимности" адекватно отражает описываемое им явление, не вводит исследователя в заблуждение и не требует уточнений.

Рассмотрим теперь качественные характеристики "носителя легитимности".

1. *Высокая численность.* "Носитель легитимности", безусловно, должен представлять собой значимую социальную величину, чтобы остальная часть общества считалась с ним как с ведущей социальной силой. Так, в начале XVII в. православной была подавляющая часть населения России. Относительно скромная — в масштабах населения — численность армии в XVIII — XIX вв. компенсировалась ее распределением по городам Империи и соблюдением строгой монополии государства на средства насилия и современное военное знание. Проблема узости слоя квалифицированных промышленных рабочих, с

которой столкнулись большевики, была преодолена путем включения в "пролетариат" все новых и новых групп населения. Колебания численности "носителя легитимности" служат гораздо более надежным индикатором уровня легитимности Власти среди населения, нежели мифическое "общественное мнение". С "истончения" "носителя легитимности" начинались все рассмотренные выше кризисы Власти: в XVII в. — это раскол, в XIX в. — реформа армии, в XX в. — размывание, а затем и исчезновение "пролетариата". Вместе с тем в критические моменты может произойти "взрывное" увеличение численности "носителя легитимности", доводящее ее практически до численности населения: Смутное время, Отечественная война 1812 г., Великая Отечественная война — лишь несколько из возможных примеров такого развития событий.

2. *Организованность.* Каждый из выделенных "носителей легитимности" был так или иначе организован в единый социально-политический организм. В XVII в. приходская система дополнялась объединенными в **Міры** общинами. В XVIII — XIX вв. церковный аппарат, став частью государственного, продолжал выполнять организационные функции, но был усилен военной организацией. Коммунистическая партия, пронизывая все общество, представляла собой доведенную до совершенства (а в худших своих проявлениях — и абсурда) организацию "носителя легитимности".

3. *Сплоченность.* Устройство Русской православной церкви способствовало осознанию прихожанами своей причастности ко Вселенской православной церкви. Самоидентификация не заканчивалась обозначением своей конфессии, православное понятие "воцерковление" предполагало, что верующий становится частью "тела Церкви Христовой". В русской армии психологический эффект сплоченности, заставлявший несущего службу (от солдата до генерала) ощущать себя элементом единого социального организма, подчеркивался и усиливался прямыми аналогиями с институтом семьи, которые, став традицией, дожили до сегодняшних дней: "братцы", "военное братство", "батяня-комбат" и т.п. Даже большевики, ослепленные западными по происхождению идеологическими шорами, не ограничивались попытками организовать "носителя легитимности" и вместить его в рамки одной партии и одного социального класса. Коммунистическая идеология проповедовала классовый подход и для единения, для идентификации "свой-чужой". Более того, представление о том, что весь Советский Союз и даже все люди *труда* в мире — одна большая семья, культивировалось и на уровне населения в целом.

4. *Высокая социальная активность.* "Носитель легитимности" — самая активная часть общества. Благодаря этому качеству он обеспечивает обратную связь между Властью и населением, выполняя функцию "нервной системы" социума. Будучи, как правило, не в состоянии сформулировать на массовом уровне собственные предпочтения, он способен отслеживать соблюдение Властью своих интересов — как тактических (например, изгнание поляков в XVII в.), так и стратегических (XVII в. — сохранение православной веры и рост паствы; XVIII в. — укрепление государства и отстаивание его интересов на внешнеполитической арене, и т.д.). При этом его влияние на Власть, даже оставаясь пассивным, весьма эффективно. Утрата поддержки "носителя легитимности" ведет к политическому вакууму, в котором ни одна из конкурирующих группировок не может укрепиться у *власти и даже гарантировать жизнь своих лидеров.*

5. *Охранительные функции.* Носитель легитимности выполняет в обществе функцию защитника и постоянно находится на "переднем крае". Вооруженные силы в основном комплектуются из его представителей, участие остального народонаселения сводится к минимуму, хотя, как показывает приведенный выше пример с участием мусульман во втором московском ополчении, и приветствуется.

6. *Неприкосновенность.* Применение вооруженной силы против "носителя легитимности" невозможно или крайне предосудительно. Это утверждение, на первый взгляд, кажется чудовищным искажением действительности, посколь-

ку вся российская история буквально пропитана насилием. Однако именно такой подход и позволял Власти устраивать грандиозные чистки. Знаменитое ленинское высказывание: "Прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определённо размежеваться. Иначе наше определение было бы лишь фикцией, прикрывающей существующий разброд и мешающий его радикальному устранению." [Ленин 1976: 358] — замечательно иллюстрирует этот ментальный ограничитель. Еще лучшая иллюстрация — борьба с "врагами народа" в 1930 — 1940-е годы. По отношению к объекту, находящемуся вне "носителя легитимности" (а шире — и населения) и представляющему угрозу для его существования, насилие допустимо и оправданно. Поэтому враг всегда внешний, даже когда он внутренний. Не поддерживавших Власть казаков в Смутное время называли "воровскими козаками", Марину Мнишек с сыном — ворухой с воренком*, и против них использовалась вооруженная сила. Раскольники, только объявившись, немедленно выпали из числа православных и стали внешним враждебным элементом, подлежавшим подавлению. В XX в. классовый подход предполагал возможность — и даже обязательность — наличия классового врага, против которого (внутреннего, по "вертикальной" логике, но внешнего — по идеологии) все средства хороши.

7. *Жертвенность.* Являясь ядром населения, беря на себя функции по его защите от внешних и внутренних угроз, "носитель легитимности" неизбежно должен обладать жертвенностью, чтобы сознательно идти на риск, а подчас — и верную смерть, отстаивая интересы Родины. В XVII в. православные жертвовали значительную часть своего имущества на военные нужды, шли в ополчение жертвовать жизнью во имя спасения православной веры. Патриарх Гермоген не обещал материальных благ, он говорил только, что те, кто погибнет, будут новыми страстотерпцами [Соловьев 1989: 605]. Минин, поднимая нижегородцев против поляков, призывал их заложить имущество и продать в рабство детей и жен. В XVIII в. солдаты шли воевать, отождествляя интересы России со своими собственными. Жертвенность же "носителя легитимности" XX в. еще настолько свежа в памяти, что не требует отдельного пояснения.

* * *

Разумеется, предложенная выше гипотеза требует дальнейшего развития и обоснования. Тем не менее, ее использование для анализа российской традиции организации социальной поддержки власти представляется продуктивным. Она позволяет объяснить многие "загадки" отечественной истории, выявить источники мощных мобилизаций в критические моменты, понять причины преемственности политической организации, а также провала всех попыток перенести на российскую почву западноевропейский политический опыт. Вместе с тем, поскольку вертикальный метод социальной стратификации является аналитической абстракцией, результаты данного исследования могут быть операционализированы и для компаративных исследований на новых уровнях теоретического обобщения.

Воинский Артикул 1715 г. 1986. — *Российское законодательство X — XX вв.* Т. 4. М.

История гражданской войны в СССР. 1957. Т. 3. М.

Костомаров Н.И. 1993. *Домашняя жизнь и нравы великорусского народа.* М.

Ленин В.И. 1976. *Полное собрание сочинений.* Т. 4. М.

Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. 1997а. Русская Система. — *Политическая теория и методология.* Вып. II. М.

Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. 19976. Русская Система. — *Политическая наука: типы власти в сравнительно-исторической перспективе.* Вып. III. М.

Соловьев СМ. 1989. *Собрание сочинений.* Кн. IV, тт. 7-8. М.

Соловьев СМ. 1990. *Собрание сочинений.* Кн. V, тт. 9-10. М.

*** Напомню, что в Смуту слово "вор" употреблялось и для обозначения нелегитимного претендента на престол.**